

А.С.ГРИН

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Александр Грин

Лебедь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=569595

Аннотация

Лавочник Сидор Иванович ненавидит людей, способных любоваться прекрасным и готов пристрелить снежно-белого красавца-лебедя «на предмет пуха» и «говядины». Пока лишь на словах...

© *FantLab.ru*

Содержание

I	4
II	6
III	8
IV	11
V	14

Александр Степанович Грин Лебедь

I

Весной, в мае месяце, старая, почерневшая мельница казалась убогой, горбатой старушонкой, безнадежно шамкающей дряхлую песню под радостный шепот зеленой, водяной молодежи: кувшинок, камышей и осок. Спокойный зеленоватый пруд медленно цедил свою ленивую воду сквозь старые челюсти, грохотал жерновами, пылил мукой, и было похоже, что старушка сердится – умаялась.

Но только зима давала ей полный, близкий к уничтожению и смерти покой. Пустынная выюга серебрила крышу, заносила окна, оголяла цветущие берега и изо дня в день, из ночи в ночь качала, напевая тоскливый мотив, вершинами сосен, гудела и плакала. А с первым движением льда началось беспокойство: колыхалась расшатанная плотина, вода бурлила и буйствовала, гомонили утки и кулики, в небе мчались бурные весенние облака, и старый, монотонный, как древняя легенда, ропот мельницы будил жидкое эхо соснового перелеска.

Водяные жители, впрочем, давно привыкли к этой чужой и ненужной им воркотне колес. Птицы жили шумно и весело, далекие от всего, что не было водой, небом, зеленою камышей, любовью и пищей. Дикие курочки, зобастые дупеля, красавцы бекасы, турухтаны, кулики-перевозчики, мартышки, чайки, дикие и домашние утки – весь этот сброд от зари до зари кричал на все голоса, и радостный, весенний воздух слушал их песни, бледнея на рассвете, золотясь днем и ярко пылая огромным горном на склоне запада. Изредка, и то, бывало, преимущественно после снежных, суровых зим, – появлялись лебеди. Аристократы воды, они жили отдельно, гордой, прекрасной жизнью, строгие и задумчивые, как тишина летнего вечера. Их гнездо скрывалось в густом камыше, и сами они редко показывались на просторе, но часто, в тихую радость утренних теней, врывались и таяли звуки невидимого кларнета; это кричали лебеди. Мельник редко выходил наружу, хотя и не был колдуном, как это утверждали некоторые. Но если вечером случайно проходящий охотник замечал его жилистую, сутуловатую фигуру, с непокрытой головой, босиком и без пояса – ему непременно следовало смотреть вдаль, куда смотрит мельник: там плавали лебеди.

II

Все в жизни происходит случайно, но все цепляется одно за другое, и нет человека, который в свое время, вольно или невольно, не был бы, бессознательно для себя, причиной радости или горя других.

Сидор Иванович был лавочник. Профессия эта почтенна, но незначительна; Сидор Иванович думал наоборот. Быть купцом – почетно, лавочник меньше купца – значит...

Таков был ход его мыслей. Купечество составляло его идеал, но достигнуть этого в данное время было для него невозможно. Деньги приобретались трудно, мошенничеств не предвиделось. Сидор Иванович скучал и бил жену.

Начал он великолепно. Три года приказчиком – три года приличного воровства. Поторопился – ушел. Собственная лавка, открытая им, торговала слабо, и Сидор Иванович никогда не мог себе простить, что начал торговать не с субботы, а с пятницы.

По воскресеньям он пел на клиросе, потом, если дело было зимой, ходил в гости к другим лавочникам, где ел пирог с морковью и жаловался на плохие дела. Летом же удил рыбу.

К ужению он имел большую охоту и даже страсть. Это напоминало ему торговлю – даешь мало, а получаешь много. Насадишь червячка, да и то не целого, а поймашь целого ерша, да еще и червяк не съеден. Совсем как в лавке: про-

дашь сахару на три копейки, а возьмешь пять.

Ершей он облюбовал особенно и пылал к ним даже своеобразной торгашеской привязанностью: дура-рыба. Окуней не любил и по этому поводу говаривал:

– Что окунь? – Чиновник! На книжку берет, а денег не платит. Приманку изгрызет и был таков...

Когда рыба ловилась хорошо, Сидор Иванович был доволен и варил уху. Но часто, поболтав в ведерке рукой и уколов ее о жабры пойманных ершей, замечал:

– Если бы эстолько... тыщ!

Лицо его омрачалось, главным образом оттого, что тысячу на червяка не поймает. Он был жаден. И зол: вместе с крючком старался всегда вырвать внутренности. Рыба билась и выкатывала налившиеся кровью глаза, а он говорил:

– Тэкс!

III

На берегу валялась доска. Сидор Иванович решил пойти поискать под ней червячков, – весь запас вышел. Он положил удочку и пошел вдоль камышей.

Жар спадал, в городе смутно трезвонили чуть слышные колокола, тени вытягивались и темнели. Золотые наклоны света дрожали меж ярких сосен. Кричали утки, пахло тиной, водой и лесом. Синие и зеленые стрекозы сновали над Камышами, желтели кувшинки. Отражая темную зелень берегов, блестела вода. А под ней голубел призрак неба – оно ясно вверху.

Шагах в двадцати от берега, из кустов, закрывающих сквозную, веселую чащу перелеска, – вился сизый дымок, слышались неясные голоса. Звенела посуда, басистый смех прыгал и дрожал низом над водой. Камыши дремали. Плавные круги ширились и умирали в зеленых отблесках воды: рыба или лягушка.

Сидор Иванович подошел к доске, нагнулся, приподнял ее тяжелый, насквозь промокший конец, и сказал:

– Чай пьют. Городская шваль – девки стриженные, али попы. Попы открытый воздух обожают: с ромом.

В камышах что-то зашевелилось; Сидор Иванович выглянул и увидел в просвете береговой заросли, на маленьком твердом мыске – двух людей: черный пиджак и синяя юбка.

Так определил он их. Увидел он еще и два затылка: мужской гладкий и женский – отягченный русыми волосами, но определять их не стал и услышал следующее:

– Как он тихо плавает.

– А правда: похоже на гуся?

– Сам вы гусь. Это царь, он живет один.

Сидор Иванович поднял доску и с треском бросил ее оземь. На оголенной земле закопошились белые и розовые черви.

– Кто ходит? – встрепенулась женщина.

– Кто-то зашумел.

– Медведь, – сказал черный пиджак. – Съест вас.

Лавочник обиделся и хотел выступить из-за прикрытия, но удержался, насупился и крякнул. Эти люди были ему не по душе – господишки: то есть что-то смешное, презренное и «с большим понятием» о себе. Разговор продолжался. Сидор Иванович поднял червяка и меланхолично положил его в банку из-под помады.

– Он очень симпатичный, – сказала девушка. – Его белизна – живая белизна, трепетная, красивая. Я хотела бы быть принцессой и жить в замке, где плавают лебеди – и чтобы их было много... как парусов в гавани. Лебедь, – ведь это живой символ... а чего?

– Эка дура, принцесса, – сказал про себя лавочник, – юбку подшей сперва, пигалица!

– Чего? – переспросил черный пиджак. – Счастья, конеч-

но, гордого, чистого, нежного счастья.

– Смотрите – пьет!

– Нет – чистится!

– Где были ваши глаза?

– Смотрел на вас...

Лавочник оставил червяков. Он был заинтересован. Кто пьет? Кто чистится? Кто «симпатичный»? И все его любопытство вылилось в следующих словах:

– Над кем причитают?

Он выступил из-за камыша и осмотрелся.

IV

Пруд был так спокоен и чист, что казалось, будто плывут два лебедя; один под водой, а другой сверху, крепко прильнув белой грудью к нижнему своему двойнику. Но двойник был бледнее и призрачнее, а верхний отчетливо белел плавной округлостью снежных контуров на фоне бархатной зелени. Все его обточенное тело плавно скользило вперед, едва колыхая жидкое стекло засыпающего пруда.

Шея его лежала на спине, а голова протянулась параллельно воде, маленькая, гордая голова птицы. Он был спокоен.

– Никак лебедь прилетел! – подумал лавочник. – Вот мельник дурак, еще ружьем балуется: шкура – пять рублей!

– Я слышала, – сказала девушка, – что лебеди умирают очень поэтически. Летят кверху насколько хватает сил, поют свою последнюю песню, потом складывают крылья, падают и разбиваются.

– Да, – сказал черный пиджак, – птицы не люди. Птицы вообще любят умирать красиво... Например, зимородок: чувствуя близкую смерть, он садится на ветку над водой, и вода принимает его труп...

Сидор Иванович почувствовал раздражение: птица плавает и больше ничего. Что тут за божественные разговоры? Что они там особенного увидели? Почему это им приятно, а ему все равно? Тьфу!

Собеседники обернулись. Глаза женщины, большие и вопросительные, встретились с глазами лавочника.

– Хорошая штука! – сказал он вслух и дотронулся до картуза.

Ему не ответили. Тон его голоса был льстив и задорен. Лавочник продолжал:

– Твердая. Мочить надо. Жесткая, значит, говядина.

Опять молчание и как будто – улыбка, полная взаимного согласия; конечно, это на его счет, он человек неученый. Что ж, пусть зубки скалят. Шуры-амуры? Знаем.

Он смолк, не зная, что сказать дальше, и озлился. Птица плавает, а они болтают! Шваль городская.

– Свежо становится, – сказала девушка и резко повернулась. – Пойдемте чай пить.

И вдруг Сидор Иванович нашел нужные слова. Он приятно осклабился, зорко бегая маленькими быстрыми глазами по лицам молодых людей, прищурился и процедил, как будто про себя:

– Этого лебеда завтра пристрелить ежели. Дома ружьишко зря болтается. Эх! Знатное жаркое, дурья голова у мельника!

Он видел, как вспыхнуло лицо девушки, как насмешливо улыбнулся черный пиджак, – и вздрогнул от радости. Он ждал вопроса. Инстинкт подсказал ему, чем можно задеть людей, не пожелавших разговаривать с ним – и не ошибся. Девушка посмотрела на него так, как смотрят на кучу наво-

за, и спросила у него звонким, вызывающим голосом:

– Зачем же убивать?

– На предмет пуха, – кротко ответил лавочник, радостно блестя глазами.

– Для удовольствия значит. Как мы, то есть охотники.

Она медленно отвернулась и прошла мимо, шурша ботинками в сочной траве. Мужчина спросил:

– Вы любитель покушать? Брюшко-то у вас того...

Сидор Иванович побагровел и задохнулся от бешенства, но было поздно; оба быстро ушли. Лавочник нагнулся, задыхаясь от волнения, и рассеянно поднял двух червяков. У противоположного берега лениво и плавно двигался лебедь.

– То есть, – начал Сидор Иванович, – птица плавает, какая невидаль, скажите, ради бога...

И вдруг ему послышалось, что эхо воды отразило упавшее из леса, обидное, сопровождаемое смехом, слово «дурак»... Он выпрямился во весь рост, приложил руку ко рту и заорал во весь простор:

– От дурака и слышу-у!

Эхо повторило звонко и грустно... ура-ка... рака... ака... шу... у!!!

Было тихо. Звенели невидимые ложечки, вечерняя прелесть стлала над водой кроткие тени. Реял сизый дымок самовара, звучал смех. И плыл лебедь.

V

Ночью Сидору Ивановичу приснилось, что он убил лебедя и съел. Убил он его, будто бы, длинной и черной стрелой, точь-в-точь такой же, какие употребляются дикарями, описанными в журнале «Вокруг Света». Раненый лебедь смотрел на него большими, человеческими глазами и дергал клювом, а он бил его по голове и приговаривал:

– Шваль! Шваль! Шваль!

Утро взглянуло сквозь ситцевые занавески и разбудило лавочника. Проснувшись, он стал припоминать вкус съеденного им во сне лебедя и машинально сплюнул: горький был. Потом вспомнил, что благодаря вчерашней случайности испортилось настроение и пропала охота удить, а был самый клев. Потом стал размышлять: застрелить лебедя или нет. И решил, что не стоит: мельник ругаться будет. А это неприятно – пруд его – не даст рыбу ловить.

Все же он не мог отказать себе в удовольствии мысленно прицелиться и выстрелить: трах! Пух, перья летят, вода краснеет... Забился... сдох. Впрочем, – что же из этого? Ну, хорошо, этого он убил. А еще их осталось сколько! Плавают себе и плавают.

И перед его еще сонными глазами проплыл, колыхаясь в зеленой воде, белый спокойный лебедь.

Сидор Иванович раздраженно сплюнул, вспомнив тех гос-

подчиков, и повернулся к жене. Она крепко спала, и в рыхлом, рябом лице ее лежала сытая скука. Он поднял одеяло и плотоядно ущипнул супругу за жирный бок.

– Эх ты... лебедь! – сказал он, проглотив сладкую судорогу. – Ну, вставай, что ли!..